

Кажется, человеческая жизнь вечно повторяет одно и то же страдание: сколько ни кружись по кругу, от прощаний не убежать, от пустоты не спрятаться. Мне казалось, стоило вырваться из топей бойцовой ямы — и я избежу неумолимого рока. Лишь позже я поняла: судьба просто сменила обличье, продолжая меня истязать.

Я всё ещё стояла на пустыре той взорванной военной базы.

В воздухе по-прежнему тяжелым слоем висел пороховой дым, землю устилали обломки камней и обугленная гарь, безмолвно возвышались остовы полуразрушенных стен. Ветер гулял по руинам, и в этом свисте не осталось ничего, кроме пустой тоски. Повсюду валялись гильзы и темно-красные пятна крови — кругом царил такой беспорядок, от которого веяло пугающей, мертвящей тишиной.

Командир лежал неподалеку. Как и остальные товарищи, он уткнулся лицом в землю, с ног до головы испачканный кровью и гарью. Мощный взрыв сорвал с него большую часть одежды: плоть вывернуло наружу, туловище покрылось черными ожогами, а в кожу и мясо намертво впились бесчисленные мелкие осколки — зрелище было жуткое и устрашающее. Его правая нога от самого бедра превратилась в кровавое месиво, оторванная взрывом; лишь жалкие лохмотья плоти цеплялись за обугленные обломки кости, не подавая ни малейших признаков жизни. Обжигающе горячая волна опалила всё его лицо: кожа потрескалась и почернела, черты лица и контуры бровей были полностью уничтожены, а месиво из крови и плоти скрыло глаза, нос и рот так, что от прежнего человека не осталось и следа. Он неподвижно лежал в ледяных руинах, его дыхание было настолько слабым, что едва улавливалось, тело обмякло, и в нем не осталось ни капли жизни.

Я стояла на месте, чувствуя, как руки и ноги коченеют, а в душе зияет мертвая, пустая пролежень.

Почему командир стал таким? Из-за меня.

Я никогда не забуду те дни, когда только попала в отряд. Я только-только выкарабкалась из крошечной тьмы бойцовой ямы, и всё мое существо было насквозь пропитано лишь настороженностью, жестокостью и вьевшимся в костный мозг страхом.словно одичавший зверь, привыкший выживать среди волков и полный злобы, я инстинктивно ошетибилась шипами против всех в отряде, источая враждебность. Я так боялась — боялась, что они, как и те люди из прошлой бойцовой ямы, с улыбкой столкнут меня к лвам, оставив безоружной, жалкой и мечущейся на грани жизни и смерти.

Но они этого не сделали.

Командир крепко прижал меня, бьющуюся и хрипящую, к земле — его движения были уверенными и сдержанными, без единого намека на упрек. Он достал мягкий комочек ваты, завернутый в марлю, и заткнул мне рот, умиряя все мои панические метания. В нем не было ни свирепости, ни раздражения; самым мягким, спокойным голосом он объяснял мне всё, по крупницам успокаивая мою готовую сорваться защитную реакцию. Он сказал мне, что его зовут

Лоэнлайс и что он мой временный опекун.

Это была первая в жизни нежность, лишенная какого-либо расчета и злого умысла, которую я получила, перетерпев три года чистилища.

Я понемногу прислушалась к его словам, ослабила вросшую в инстинкты оборону и позволила им осторожно заботиться обо мне.

Единственная женщина-боец в отряде терпеливо расчесывала мои спутавшиеся волосы, рука об руку учила меня одеваться, учила нормально питаться и знакомила с самыми простыми, обыденными человеческими делами, с которыми я никогда раньше не сталкивалась. Всей душой они старались вытащить меня из звериного облика и вернуть на путь нормальной человеческой жизни.

А затем началась моя жизнь наемника — бесконечные скитания среди оружейных залпов и грохота в бесчисленных локальных войнах.

Командир Лоэнлайс никогда не упрекал меня за заикленность и жестокость, он часто хвалил меня и одобрял мою отчаянную, до конца идущую ярость в бою. Эта моя свирепость, выкованная в аду, наконец-то нашла место, где ее оценили по достоинству.

Но это место всё же было слишком похоже на бойцовскую яму.

После каждого возвращения с задания в седьмом отряде неизменно становилось на несколько человек меньше. Кто-то находил вечный покой на чужбине, кто-то растворялся в пороховом дыму, уходя безмолвно. Точь-в-точь как мои трехлетние мытарства в бойцовой яме: год за годом, из года в год, по кругу — всегда находился кто-то, чей уход заставлял врасплох.

Казалось бы, я давно привыкла к жизни, смерти и расставаниям — за три года в яме оцепенение стало моей единственной опорой для выживания. Но в седьмом отряде всё было иначе.

Здесь я словно обрела иное подобие семьи. Товарищи, с которыми делила и рассветы, и закаты, и мягкий, всепонимающий командир — мы опирались друг на друга и держались вместе. Однако само слово семья казалось мне слишком чуждым, слишком незнакомым: возможно, потому, что между нами не было кровных уз, а возможно, потому, что я никогда прежде не знала подлинного тепла.

И именно здесь в моем скованном льдом за столько лет сердце начали появляться трещины. Я больше не была онемевшей, больше не смотрела на всё холодным взглядом — я начала болезненно переживать уход каждого товарища, терзаясь тоской. Я наконец поняла, что человеческое сердце умеет болеть, а привязанность — это самая нежная и в то же время самая мучительная кайда в этом мире.

Я думала, что это спокойствие и тепло продлятся подольше — настолько долго, чтобы я смогла окончательно стряхнуть тьму прошлого.

Но это задание оказалось совсем другим.

Грохочущее пламя стерло в порошок все надежды на удачу и разбило то тепло, за которое я так цеплялась. Все мои опоры, вся моя уверенность в этот миг превратились в хаос разрушенных руин.

Он ведь мог увернуться.

Он мог, как и все остальные, уйти невредимым. Это я — из-за неискоренимой безрассудности и упрямства, из-за сердца, которое давно перестало бояться смерти и было готово погибнуть в любой момент — заставила его принять на себя всю мощь взрыва и разрушения.

Ветер проносился сквозь полуразрушенную базу, поднимая с земли обломки пыли, а я молча смотрела на неподвижного человека неподалеку.

Я пережила схватки с дикими зверями в бойцовой яме, пережила три года крошечного отчаяния, пережила бесчисленные грады пуль и дожди из снарядов, но почему-то не смогла пережить это мгновение жгучего раскаяния.

Оказывается, самое страшное в судьбе — вовсе не обрекать меня на одинокие страдания, а сначала подарить мне тепло, заставить привязаться, а потом забрать всё собственными руками.

<http://bllate.org/book/21192/2145554>